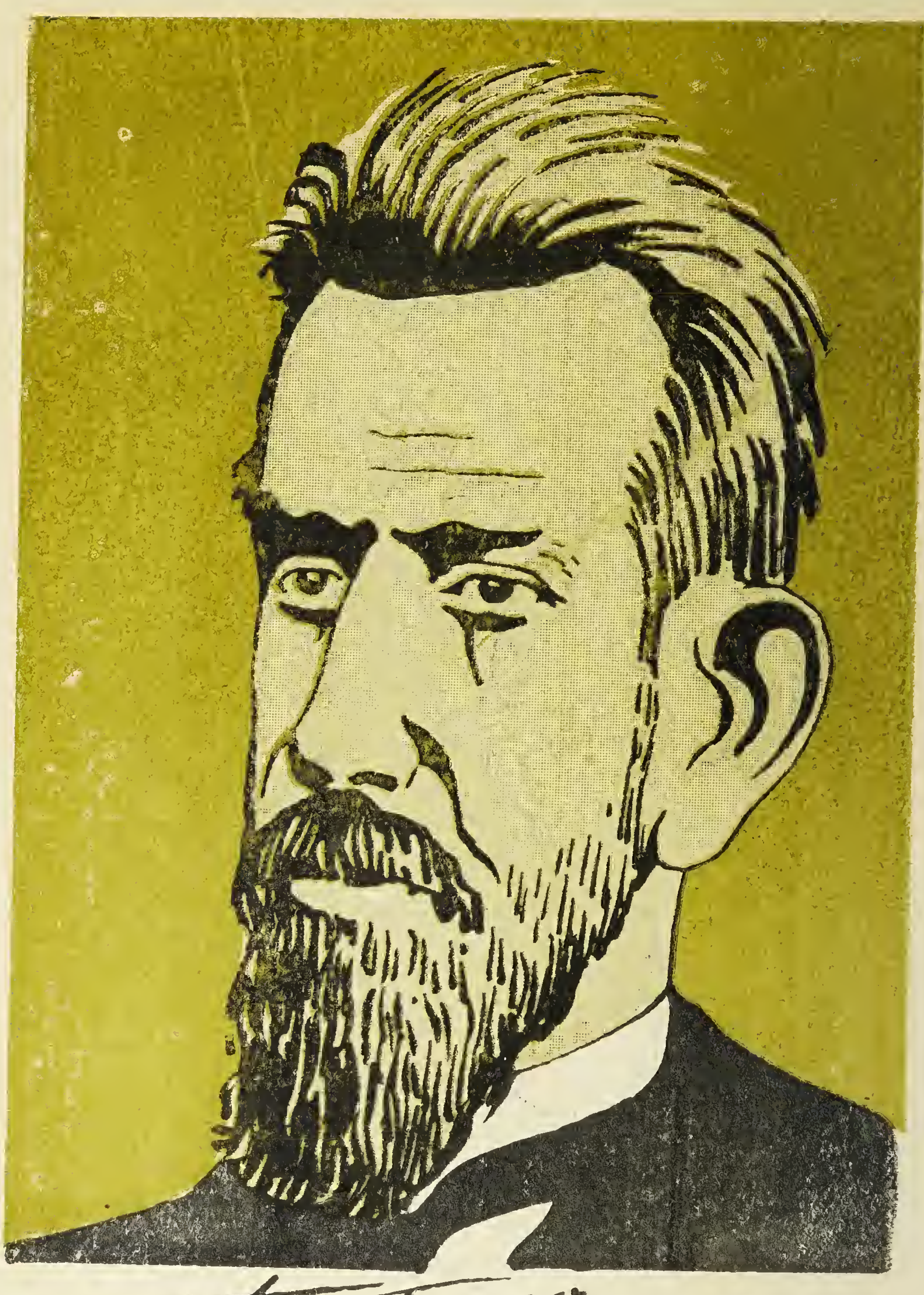
№ 3.
1906 г.

АРГУСЪ

Цѣна
10 коп.

П. Б. Струве

Потрудился.

— Вотъ и на нашей улицѣ праздникъ, теперь пожалуй и на награду з а у с е р д і е разсчитывать можно!!..

Колыбельная пѣсня.

Спи дитя, ты усни, хлѣба ты не проси,
Нѣтъ его у меня ни кусочка;
Не пойдемъ къ богачамъ, не дадутъ его намъ,
Такъ усни-жъ моя милая дочка!

Видишь ты этотъ домъ? тамъ кареты кругомъ,
Тамъ полиціи, глянь-ка, какъ много!
Тамъ сегодня вѣдь балъ! тамъ пируетъ вандалъ,
Онъ сегодня прогнѣваетъ Бога!

Бѣдныхъ чтобъ отгонять, тамъ стоитъ съ двадцать пять
Полицейскихъ, жандармовъ, казаковъ;
Совѣсть чтобъ заглушить, собрались тамъ кутить,
Много сплетницъ и грязненькихъ фраковъ.

Мы съ тобой голодны, мы босы и наги,
Нѣтъ у насъ ни каретъ, ни брилльянтовъ,
Но за то есть у насъ, что такъ нужно сейчасъ
Совѣсть, Богъ,—чего нѣтъ у тѣхъ франтовъ!

Лицемѣріе, ложь—удѣлъ всѣхъ тѣхъ вельможъ,
У нихъ совѣсть черна—какъ бы сажа!
Ихъ девизъ—засадить, разстрѣлять, погубить,
Поскорѣй-же бѣжимъ отъ нихъ—Маша!

Мы пойдемъ къ бѣднякамъ, хлѣба тамъ дадутъ намъ,
Тамъ пригрѣютъ, накормятъ, обуютъ,
Пусть оркестры гудятъ, пусть министры кутятъ
Въ домѣ томъ—тамъ вѣдь звѣри пируютъ!

Не заснутъ вѣдь они, будутъ мрачны и злы;
На заутро, всю злость вымещая,
За приказомъ приказъ издавать будутъ въ разъ,
Всѣхъ губя и по тюрьмамъ сажая!

Спи-жъ дитя поскорѣй, я тебя потеплѣй
Постараюсь въ лохмотья укутать,
Пусть министры пируютъ, пусть вельможи танцуютъ,
Дьяволъ ихъ—а не насъ будетъ путать.

Спи-жъ, усни моя дочь, думы мрачныя прочь
Отгоню отъ себя поскорѣе,
Вѣдь весна на дворѣ! скоро будемъ въ теплѣ!
На душѣ у всѣхъ будетъ свѣтлѣе!

Подъ звуки Мендельсона.

Разошелся!

Это былъ современный Фаустъ, хотя онъ и не имѣлъ ученой степени доктора.

Сначала онъ былъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и пользовался извѣстнымъ уваженіемъ. Но затѣмъ, когда получилъ должность въ вѣдомствѣ гасителей человѣческаго самосознанія и потерялъ уваженіе, ему былъ назначенъ хорошій окладъ.

Разлакомившись, современный Фаустъ, скоро уже не удовлетворялся получаемымъ окладомъ и стремился къ болѣе крупному.

Такимъ образомъ, онъ добился перевода на другую должность, еще болѣе выгодную и сдѣлался отъявленнымъ ретроградомъ.

Но и это его не удовлетворяло. Онъ былъ готовъ на что угодно, только-бы получать больше.

Стремленія его дѣйствительно, скоро увѣнчались успѣхомъ. Въ качествѣ великолѣпнаго черносотенца онъ бралъ солидные куши и направо и налѣво.

Однако, и этого ему было мало. Осыпаемый со всѣхъ сторонъ проклятіями, великолѣпный черносотенецъ не обращалъ вниманія рѣшительно ни на что и его аппетиты разжигались все больше и больше.

Но чего-нибудь еще больше онъ достигнуть былъ уже не въ состояніи: онъ свершилъ все земное, доступное его черносотенной натурѣ.

— Гдѣ-бы и какъ-бы можно было мнѣ еще поживиться? думалъ онъ и, наконецъ, придумалъ.

Новый черносотенный Фаустъ вызвалъ чорта и сказалъ ему:

— Бѣсъ, мнѣ нужно денегъ!

— Развѣ тебѣ еще мало того, что ты нахваталъ?

— Мало! Я хочу еще... Бѣсъ, дай мнѣ денегъ, а я тебѣ отдамъ мою душу...

— Душу? Ну вѣдь ты уже давно заложилъ свою душу за тѣ блага, которыя имѣешь!

— Это я самъ отлично знаю...

— Такъ какъ-же ты мнѣ опять свою душу предлагаешь?

— Подъ вторую закладную!..

Не-Гёте

Реакція.

Жена. — Объясни мнѣ Володя, что такое реакція?

Мужъ. — Реакція... Гмъ... видишь-ли Сонечка, какъ бы это тебѣ сказать... Я пожалуй лучше объясню тебѣ на примѣрѣ: Представь себѣ, что ты захотѣла-бы имѣть новое платье, а я не далъ-бы тебѣ на него денегъ; ты бы конечно устроила мнѣ сцену; слезами, крикомъ и истерикой ты бы хотѣла меня заставить дать тебѣ денегъ—съ твоей стороны это будетъ—революція. А если бы я, несмотря ни на какія сцены и истерики, всетаки не далъ бы денегъ на новое платье, это будетъ—реакція.

Жена — (съ гнѣвомъ) — А я, я предупреждаю тебя, что твоя реакція обойдется тебѣ вдвое дороже!!...

Обыватели (хоромъ).

„Довольно, довольно, мы и такъ сыты!!...“

Настоящая печаль.

— Отчего ты такая печальная, Зина, развѣ потому что арестовали твоего жениха?

— Если-бы одного, а то всѣхъ троихъ!

Наоборотъ.

— Неправда-ли какъ теперь перемѣнились ужасно времена?

— Почему вы говорите у ж а с н о?

— А какже? Прежде бывало сначала банкротились а затѣмъ садились въ тюрьму, а теперь наоборотъ, сначала сажаютъ въ тюрьму, а потомъ люди дѣлаются банкротами.

Спасайся братцы, свобода печати!!!...
(Шутка сквозь слезы).

Въ участкѣ.

Сколько лѣтъ?

Тридцать Ваше-бродіе.

Вѣроисповѣданья?

Православнаго.
Положеніе?

Изволите шутить, Ваше-бродіе, точно Вы сами не изволите знать что военное положеніе!

Трогательная заботливость,

— За что это Ягодкина въ тюрьму посадили?

— Вѣроятно, чтобы онъ отдохнулъ...

— А, такъ! вѣдъ онъ всегда „стоялъ“ на стражѣ общественныхъ интересовъ, такъ вотъ теперь и посадили для отдыха...

— Жанъ, побольше самостоятельности, не всѣмъ же быть премьеръ-министрами.

Къ съѣзду дѣятелей Лиги образованія.

У порога Лиги образованія.

(По фотографіи).

„Засыпка“ Екатерининскаго канала обывательскими деньгами.

Къ цензурѣ на выставкахъ картинъ.

Торжество русскаго искусства!

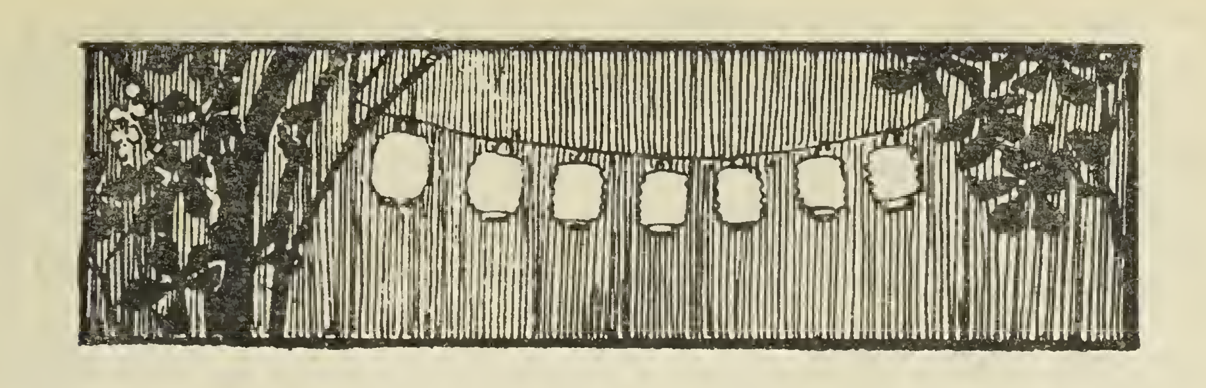
(Снимокъ съ натуры).

Превращеніе иноземнаго банкира послѣ заключенія у него займа.

(Къ пріѣзду г. Мендельсона).

Наша Ѳемида.

ПОѢЗДЪ.

Г. Даниловскаго.

(Съ польскаго).

Городокъ Ришвиль выросъ съ поражающей быстротой. Молодежь съ недовѣріемъ слушала разсказы старыхъ людей о томъ, какъ недавно еще на глазахъ ихъ, бѣлѣли соломой крытыя избушки, среди нихъ дымились двѣ три-фабричныя трубы, а желѣзныя крыши домовъ можно было сосчитать по пальцамъ.

Въ настоящее же время на высокомъ берегу выросли громадные дома, а маленькіе низенькіе домики пропали совсѣмъ, или частью перенеслись внизъ—туда, за рѣку. На томъ самомъ обрывѣ, гдѣ когда то былъ лѣсъ, нынче красуется, на мраморныхъ колоннахъ, пышный, стоющій много милліоновъ желѣзнодорожный вокзалъ, гордость Ришвиля.

Подъ мраморные своды этого вокзала каждые два часа влеталъ съ трескомъ запыхавшійся поѣздъ. Здѣсь онъ останавливался; здѣсь же кончалась вѣтка—почти на краю обрыва—такъ, что пріѣзжающіе, пройдя всего пару шаговъ, сталкивались съ начальникомъ станціи, стоящимъ облокотившись на перила и любовавшимся открытымъ видомъ.

А видъ былъ великолѣпный!

Мраморныя плиты терассы вокзала розовѣли отъ солнечныхъ лучей. На двѣстѣ шаговъ ниже перилъ протекала широкой лентой рѣка, мѣняясь каскадомъ цвѣтовъ.

Рядомъ торчали громадныя строенія Ришвиля, застланнаго густымъ дымомъ. На противоположномъ плоскомъ берегу чернѣли скученные низенькіе домики, дальше мелькалъ лѣсъ, а надъ нимъ догорало огромное солнце. Начальникъ станціи глядѣлъ вдаль и думалъ о томъ, что мостъ, какъ продолженіе вѣтки, испортилъ бы только прекрасный видъ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на часы, ожидая еще одного поѣзда. Это былъ поѣздъ extra, въ которомъ дѣти перворазрядныхъ пансіоновъ выѣхали раннимъ утромъ на прогулку за нѣсколько станцій отъ города.

— Солнце заходитъ: долженъ скоро быть—думалъ онъ, направляясь по мозаиковымъ ступенямъ въ свою контору. На полдорогѣ ему повстрѣчался телеграфистъ, бѣжавшій прямо къ нему безъ шапки, съ депешей.

— Откуда это?

— Съ третьей станціи передъ Ришвилемъ, еле проговорилъ запыхавшійся телеграфистъ, взволнованный и блѣдный.

Начальникъ началъ читать телеграмму, не понимая сразу въ чемъ дѣло.

Депеша гласила:

„Начальнику Ришвиля. Поѣздъ съ дѣтьми не остановился на станціи Проскочилъ несмотря на наши сигналы. Причина еще неизвѣстна. Что случилось—сообщимъ".

— Давно получена депеша?

— Четверть часа тому назадъ.

— Странно, можетъ и пустяки, прошепталъ начальникъ станціи, но всетаки, сильно обезпокоенный, быстро пошелъ къ станціи.

— Что у васъ? нѣтъ ли сообщенія еще, спросилъ онъ, входя въ контору.

— Сейчасъ шифрую, отвѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ и нагнувшись надъ узенькой ленточкой бумаги медленно читалъ:

,,Начальнику Ришвиля. На пятой верстѣ передъ третьей станціей нашли кочегара и машиниста мертвыми, сцѣпленными другъ съ другомъ. Очевидно была битва. Кондукторъ выскочилъ. Не можетъ дать объясненій, поломаны ноги и безъ сознанія. Поѣздъ мчится одинъ. Другой станціи дано знать''.—Голосъ чиновника дрожалъ, оканчивая чтеніе.

Наступило долгое молчаніе.

— Господи! что же это будетъ?—раздался чей то шопотъ, въ концѣ конторы.

— Какой ужасъ!—воскликнули всѣ.

— Ничего не будетъ!—отвѣтилъ пришедшій въ себя начальникъ станціи. Линія свободна, котелъ у паровоза крѣпкій; не лопнетъ. Ступайте господа всѣ къ своимъ занятіямъ. Никому ни слова, прошу васъ. Не пугайте публику. Я иду къ начальнику движенія. Телеграфируйте на первую и вторую станціи какъ тамъ—обратился онъ къ одному изъ телеграфистовъ.

— Сію минуту—отвѣтилъ тотъ и нагнулся надъ аппаратомъ. Между тѣмъ къ станціи приближался весь цвѣтъ аристократіи Ришвиля на встрѣчу своимъ дѣтямъ. На огромный асфальтовый дворъ ежеминутно въѣзжали всевозможные элегантные экипажи. Нарядныя дамы поддерживаемыя кавалерами весело выпархивали на залитый электричествомъ перронъ. Раздавался всюду говоръ, смѣхъ, блестѣли брилльянты, воздухъ наполнился ароматомъ дорогихъ духовъ; стало тѣсно.

Въ то время когда здѣсь было такъ шумно, раздавались кругомъ привѣтствія, царило веселье, въ телеграфной комнатѣ стучали безъ устали аппараты, появлялись узенькія полоски бумаги, полныя дурныхъ вѣстей, вселяющихъ тревогу и ужасъ въ сердца телеграфистовъ. Взгляды ихъ нетерпѣливо обращались къ большимъ запертымъ дверямъ, откуда должна была появиться высшая администрація, а съ ней и какое нибудь приказаніе.

— Наконецъ!—раздалось нѣсколько голосовъ. Двери открылись, въ нихъ показался начальникъ движенія, а за нимъ начальникъ станціи.

— Что тутъ у васъ? сухо спросилъ первый.

— Плохо, отвѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ, подавая бумагу.

— Я не спрашиваю—какъ? буркнулъ начальникъ и началъ читать въ полголоса:

,,Поѣздъ пролетѣлъ нашу и другую станцію на всѣхъ парахъ. Пассажировъ не видать, очевидно ничего не знаютъ. Паровозъ кажется въ порядкѣ. Всей линіи сообщено. Ожидаемъ извѣстій отъ васъ''.

— Чего они смѣются!—сквозь зубы процѣдилъ начальникъ, поварачиваясь злобно въ сторону перрона, откуда долеталъ эхомъ веселый смѣхъ.

— Бумаги!—крикнулъ онъ кротко. Моментально передъ нимъ очутилась цѣлая гора бумажекъ. Онъ взялъ одну, подумалъ минуту и началъ быстро писать.

— ,,Начальнику первой станціи. Обратите особое вниманіе на локсмотивъ поѣзда и дайте знать съ какой скоростью идетъ и не уменьшаетъ ли ходу''?

— Немедленно телеграфировать, приказалъ онъ одному изъ чиновниковъ.

— Есть у васъ какой нибудь планъ дѣйствія? обратился начальникъ станціи къ нему.

— А у васъ? отвѣтилъ начальникъ движенія съ раздраженіемъ.

— У меня? Нѣтъ! глухо прозвучалъ отвѣтъ.

— Слѣдовательно остается только дожидаться терпѣливо исхода, шепнулъ другой, нервно подергивая растрепанную бороду.

Вдругъ звякнулъ звонокъ.

Всѣ сорвались со своихъ мѣстъ.

Начальникъ движенія подбѣжалъ къ аппарату, нагнулся надъ выдвигающейся полоской бумаги и началъ читать:

— ,,Пролетѣлъ нашу станцію. Въ поѣздѣ всѣ спятъ, не подозрѣваютъ несчастья. Пару и топлива въ локомотивѣ къ несчастію очень много. Последнюю версту пролетѣлъ меньше чѣмъ въ минуту и ходъ не уменьшается''.

— Что дѣлать? докончилъ надорваннымъ голосомъ начальникъ движенія.

Всѣ печально переглянулись и застыли безъ движенія. Ихъ блѣдныя лица казались, въ голубоватомъ освѣщеніи электричества, гипсовыми масками.

— Что дѣлать? Что дѣлать? Совѣтуйте-же! вскричалъ наконецъ начальникъ движенія измѣненнымъ до неузнаваемости голосомъ.

— Пустить на встрѣчу другой поѣздъ, шепнулъ кто-то несмѣло.

— Кто-же поведетъ его? раздалось сбоку.

— Сдѣлать насыпь—произнесъ кто-то.

— Можетъ моментально мостъ устроить черезъ рѣку?! насмѣшливо спросилъ начальникъ станціи; это вѣдь тоже умный совѣтъ!

— Настала тишина. Лица всѣхъ желѣзнодорожниковъ выражали безысходную тоску и ужасъ, глаза были съ мольбою обращены на начальника движенія.

Тотъ молчалъ, лицо его было совсѣмъ сѣрое, губы искривлены. Наконецъ, проведя нѣсколько разъ рукою по лбу, голосомъ полнымъ отчаянья онъ простоналъ:

— Нельзя ничѣмъ помочь! Поѣздъ полетитъ въ рѣку! Поидемте господа, нужно всѣмъ сказать правду.

Взявъ дрожащими руками депешу, онъ шелъ весь сгорбленный, тяжелымъ шагомъ, а за нимъ длинной вереницей, двинулась вся контора.

Внезапное появленіе этихъ печальныхъ фигуръ вызвало на перронѣ всеобщее волненіе.

— Что случилось? Что это за траурная процесія?—раздалось нѣсколько насмѣшливыхъ голосовъ.

(До слѣдующаго номера).

Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

По только-что полученнымъ изъ Москвы свѣдѣніямъ, администрація „Московскаго Купеческаго Банка“ на экстренномъ засѣданіи „поднятіемъ рукъ“, единогласно постановила выдать крупную сумму въ 800,000 руб., солидному (анонимному) обществу.

По слухамъ, возвращающійся съ Дальняго Востока генералъ Куропаткинъ намѣренъ предложить своимъ товарищамъ по командованію открыть торговлю иконами, полученными по пути къ побѣдамъ, для пополненія своихъ денежныхъ средствъ.

И такъ рѣшено! Я основываю союзъ противъ неблагоразумнаго сжиганія алькоголя! Къ чорту лампы и кухни, пожирающія живительную влагу. Да здравствуетъ вино!

Аргусъ № 3. 1906 г.

Не удивляйтесь mesdames, что я сталъ скроменъ и скупъ, теперь для нашего брата интенданта времена другія—того и гляди накроютъ и препроводятъ въ мѣста не столь отдаленныя.

Направо и налѣво.

— Я слышалъ будто вы, князь, даете денегъ и правымъ и лѣвымъ.

— Да, а что?

— Мнѣ интересно знать къ какой-же партіи вы принадлежите?

— Ни къ какой, а даю пока направо и налѣво потому, что еще не знаю, которая сторона одержитъ верхъ!

Классификація женщинъ.

Неоцѣненная. Хорошенькая женщина, принадлежащая къ финансовому, или коммерческому міру.

Прекрасная. Прекрасною была Елена, жена Менелая. Прекрасная Галатея, оживленная статуя, Пигмаліона. Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа, изъ извѣстнаго лубочнаго романа „Битва русскихъ съ кабардинцами". Въ примѣненіи къ современнымъ женщинамъ почти не упоминается.

Божественная. Преимущественно драматическая артистка.

Несравненная. Опереточная артистка.

Прелестная. „Эта дама", во первыхъ, потому, что принадлежитъ къ числу „прелестницъ", а во вторыхъ, потому, что часто, обращаясь къ ней, говорятъ фамильярно: „моя прелесть"!

Очаровательная. Преимущественно имянинница.

Чудная. Рѣдкій экземпляръ женщины, которая обращаетъ на себя вниманіе только своими нравственными качествами, о которой обыкновенно говорятъ: „чудная женщина".

Кумиръ. Героиня плохихъ стихотвореній „къ ней", сочиняемыхъ непризнанными доморощенными поэтами.

Красавица. Кафешантанная этуаль, именующая такъ на афишахъ сама себя.

Ангелъ. Барышня-невѣста по отзыву ея мамаши жениху.

Восхитительная. Преимущественно замужняя женщина не очень строгая на счетъ супружеской вѣрности.

Свѣтлоокая. Героиня фантастическихъ поэмъ, несуществующая въ наше прозаическое время, когда люди вообще отличаются слабымъ зрѣніемъ.

Милая. Всякая дѣвица и дама въ глазахъ влюбленнаго, наединѣ, на свиданіи.

Пышная. Молодая купеческая дамочка.

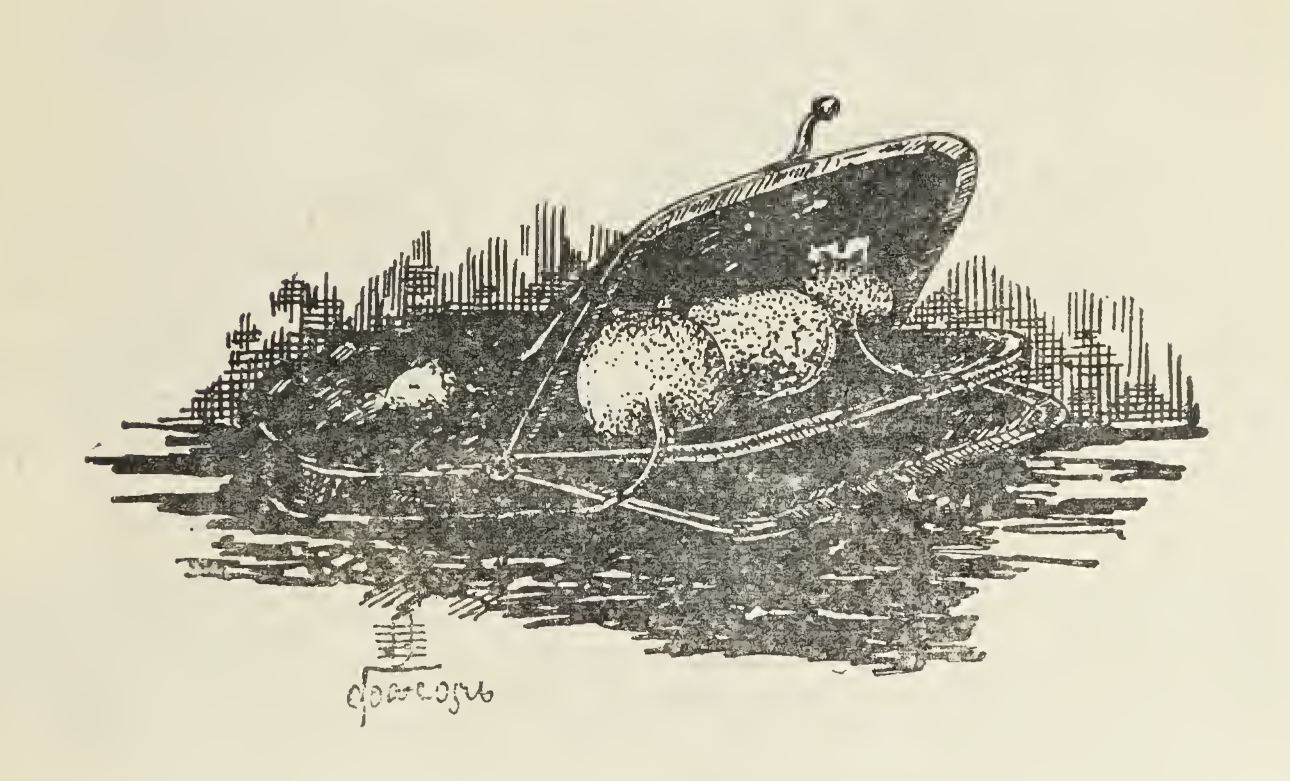
Златокудрая. Кокотка изъ Парижа.

Пластичная. Натурщица.

Миленькая. Барышня, еще не успѣвшая перезрѣть.

Смазливая. Горничная, продавщица.

Женофилъ.

Россійскій кошелекъ.

Ник. Ив. Гучковъ
избранный московскимъ
городскимъ головой.

Корнетъ съ гоноромъ.

— Я слышала, что вы, баронъ, выходите изъ полка?

— Да. Товарищи говорятъ, что я мараю мундиръ... А какое имъ дѣло до этого, если я на столько богатъ, что могу каждый день новый мундиръ заказывать!